

Первая жена Динбэй-хоу, госпожа Цянь, тоже была не промах. Будучи старшей дочерью деревенского богача, она с детства училась читать и писать, и её кругозор не уступал обычному мужчине. Уже тот факт, что она смогла одна, без мужа, пережить войну, заботясь о дочери, и при этом увеличить семейное богатство, говорил о том, что эта женщина, даже если и не обладала выдающимися способностями, была смелой и решительной.

Обнаружив, что рядом с её мужем появилась другая «госпожа хоу», госпожа Цянь не стала устраивать скандал, а лишь холодно наблюдала, позволяя Страже Золотого Клинка действовать от её имени.

Чэ Гуанмао, вынужденный подчиниться «приказу императора», открыл ворота усадьбы и впустил свою первую жену.

Первым делом, войдя в усадьбу, госпожа Цянь вместе со своими слугами ворвалась в главный двор, где жила женщина, называвшая себя госпожой хоу, вытащила её и на глазах у Стражи Золотого Клинка, Чэ Гуанмао и всех слуг жестоко избила.

Это избиение не только превратило красавицу в «свинью», заставив Чэ Гуанмао «страдать за свою наложницу», но и вызвало у этой женщины, якобы происходившей из знатной семьи, кровотечение.

Чэ Бао-эр утверждала, что это просто совпадение — у женщины начались месячные, но «лжегоспожа хоу» и Чэ Гуанмао были уверены, что это был выкидыш.

Однако эта женщина, избитая госпожой Цянь, даже не была наложницей Чэ Гуанмао, а всего лишь его незаконной сожительницей. Госпожа Цянь же была привезена Стражей Золотого Клинка и находилась под «опекой» императора, поэтому Чэ Гуанмао, как бы он ни злился, не мог найти повода отомстить за свою «любовь». Всё, что он мог сделать, — это кричать и угрожать разводом.

Этот инцидент, как говорят, уже дошёл до императора. Чэ Бао-эр, полная тревоги, обратилась к Оу Цзин, чтобы та попросила своего дядю, императорского супруга, узнать у императора, как обстоят дела.

Выслушав, Оуян не сказал, поможет ли он, а спросил:

— Как ты познакомилась с этой Чэ Бао-эр?

— Мы познакомились сразу после возвращения в столицу, — ответила Оу Цзин. — Тогда вы, дядя, были слишком заняты, чтобы заниматься мной, и я, взяв с собой матушку Бай и Сяо Цин, отправилась гулять по улицам. Именно тогда я встретила Чэ Бао-эр в магазине «Золото и нефрит» на Западной улице. Это был мой первый визит в этот магазин, и я зашла туда спонтанно. Знакомство с Чэ Бао-эр тоже произошло случайно — я сама заговорила с ней, потому что мне понравились бусы, которые она держала в руках. Она оказалась добродушной и без лишних слов дала мне их посмотреть.

— Какие же бусы могли привлечь твоё внимание? — удивился Оуян.

Оу Цзин больше любила нефрит, а к жемчугу, который со временем желтеет и портится, всегда относилась равнодушно.

— Я хотела купить их для Цзиньчжу, она любит жемчуг, — объяснила Оу Цзин.

— Она любит жемчуг? — удивился Оуян. — Почему я никогда не видел, чтобы она его носила?

— Она не носит, просто хранит в шкатулке и смотрит на него, — ответила Оу Цзин.

Что за странная любовь?

Оуян был озадачен, но не стал углубляться в подробности её дружбы с Чэ Бао-эр, лишь вздохнул:

— Ладно, я запомню это дело. Сиди дома и жди новостей. Если император ещё не издал указ о разводе, я позабочусь, чтобы твоя подруга не осталась «неподготовленной» к неприятностям.

— А нельзя ли вообще избежать неприятностей? — кокетливо спросила Оу Цзин.

Оу Цзин уже привыкла к языковым ловушкам Оуяна и больше не попадалась на них так легко.

— Неприятности уже случились, теперь нужно думать, как минимизировать потери, — сердито посмотрел на неё Оуян. — Слушай, если в будущем ты встретишь такого мужчину, не обращай внимания на наложниц и сожительниц, просто отрежь ему причинное место и сразу же возвращайся ко мне, чтобы я мог тебя защитить.

Оу Цзин вздохнула:

— Бао-эр и её мать страдают именно из-за того, что у них нет защитника.

— Неприятные истории других людей — это просто развлечение, не надо их слишком серьёзно воспринимать, — холодно прокомментировал Оуян.

Оу Цзин не согласилась, закатив глаза, но не стала спорить.

— Уже поздно, если больше ничего, я пойду, — встал Оуян. — Кстати, кажется, в кладовой должна быть коробка с разноцветными бусами, поищи её. Если найдёшь, отдай Цзиньчжу, пусть играет.

— Поняла! — радостно ответила Оу Цзин.

Вернувшись в Летний дворец, Оуян первым делом вызвал Пан Чжуна и поручил ему разузнать о деле с разводом Динбэй-хоу.

Это не означало, что он придавал этому большое значение. Наоборот, именно потому, что он не считал это важным, Оуян поспешил передать задание, чтобы позже не забыть и не разочаровать Оу Цзин.

Оуян вообще не ожидал, что Пан Чжун справится с этим поручением.

Судя по наблюдениям последнего времени, спокойствие Пан Чжуна при первой встрече было не признаком уверенности, а скорее проявлением безразличия.

У него не было явных талантов, он не был лидером, и его любовь к кухне явно превосходила желание отдавать приказы. Уже через пару дней он подружился с поварами, которых привёл Оуян.

Однако у него были и достоинства: он был молчалив, внимателен, трудолюбив и осторожен, знал свои пределы и не стремился к власти.

Но только сейчас Оуян понял, насколько осторожен был этот человек.

Поручая Пан Чжуну разузнать о деле, Оуян надеялся, что его действия привлекут внимание Ци Юньхэна.

Оуян знал, что Ци Юньхэн расставил вокруг него шпионов, причём немало, но не стал это разоблачать и не собирался ссориться из-за этого — в конце концов, то, что он хотел скрыть, никто бы не смог обнаружить.

Если бы Ци Юньхэн заметил, что он интересуется посторонним человеком, то обязательно начал бы задавать вопросы.

Тогда Оуян мог бы всё объяснить и получить ответ, не тратя лишних усилий.

Однако вечером Ци Юньхэн, как обычно, пришёл в Летний дворец на ужин, и с начала до конца вёл себя так, будто ничего не знал о действиях Пан Чжуна, не упоминая о деле Динбэй-хоу, а лишь спросив о прогрессе в императорском поместье — Оуян решил отложить открытие Управления внутреннего двора, сначала наладив дела в поместье, а затем расширяя производство и бизнес. Короче говоря, «укреплять стены, копить зерно и не спешить с провозглашением власти».

Этот вопрос отвлек Оуяна, и дальше они с Ци Юньхэном погрузились в свои отношения, совсем забыв о чужих проблемах.

Только на следующее утро, проснувшись, Оуян вдруг осознал, что действительно забыл о «важном деле», которое поручила ему племянница!

Но Ци Юньхэн уже ушёл из Летнего дворца по делам, и Оуян мог только одеться и вызвать Пан Чжуна под предлогом заказа завтрака:

— Что насчёт того дела, которое я поручил тебе разузнать?

— Отчёт, господин, это дело сейчас активно обсуждается. Динбэй-хоу подал прошение, прося императора разрешить ему развод. Несколько недавно назначенных цензоров сразу же обвинили его в том, что он бросил жену ради новой женитьбы, назвав его бесчестным и неспособным управлять семьёй. Однако император оставил все эти обвинения без ответа. — Пан Чжун сделал паузу, затем с некоторым сомнением добавил:

— Говорят, на восьмой день месяца госпожа Динбэй-хоу приходила к Вратам Чжэнъян, видимо, желая подать жалобу императору, но, как только она взяла в руки барабанную палочку Барабана Небесного Грома, Динбэй-хоу прибежал и увёл её. Однако достоверность этой информации ещё нужно проверить, мой источник лишь услышал об этом мимоходом.

— Ты разузнавал об этом, не привлекая внимания евнуха Вэй Яня? — с интересом спросил Оуян.

— Отчёт, господин, я служу под началом императора не первый год, — уклончиво, но прямо ответил Пан Чжун.

Оуян больше не стал расспрашивать, кивнул:

— С этого месяца будешь получать из казны десять золотых листьев, трать как сочтёшь нужным.

— Слушаюсь!

Пан Чжун не стал благодарить за награду, он понимал, что эти деньги не были подарком.

Информация, которую добыл Пан Чжун, не содержала окончательного результата, и Оуян решил, что лучше прямо спросить Ци Юньхэна.

<http://bllate.org/book/16203/1454484>